

АНАЛИЗ БЫТИЙНЫХ СИТУАЦИЙ С ПРЕДИКАТОМ СУЩЕСТВОВАНИЯ В ПАМЯТНИКЕ «ALTİN YARUQ»

Диханбаева Айгуль Ерболатқызы

ayguldikhanbaeva@gmail.com

Магистрант второго курса факультета международных отношений
кафедры тюркологии Евразийского национального университета им.

Л.Н. Гумилева Нур-Султан, Казахстан

Научный руководитель – Н.Г. Шаймердинова

Категория бытия – это категория, которая фиксирует убеждение человека в существовании окружающего мира и самого человека с его сознанием. Как правило, отдельные вещи, процессы, явления возникают и исчезают, а мир в целом, наоборот, существует и сохраняется. Данное исследование является актуальным, поскольку отправной точкой в осмыслении мира в целом и тюркского мира, в том числе, называют категорию бытия. Нашей задачей является определение термина «бытие» на материале существующего философского познания, а также проявление этого «бытия» с лингвистической точки зрения в тюркских языках (на основе уйгурского памятника буддийского содержания «Altın Yaruq»).

Понятие «бытие» (*«бытие»*) - это «бестелесные виды» (*asomata eide*), которые существуют в чистом виде (*eilikrinos*) вне пространства, как бы в мыслимом месте (*topos noetos*); *einai*- суц. «то, что имеется», «то, что существенно существует», «то, что собственно есть») [1, с. 24-28] синонимично понятиями, как «действительность», «реальность», «существование» и является интегральной характеристикой мира, которая утверждает его целостность через его существование. Следует также отметить тот факт, что в бытии могут существовать не только предметы природы, но и мысли, разные психические состояния, бред, сновидения и т.д. По способу существования бытие можно условно разделить на 2 мира:

- 1) мир физических состояний (материальный);
- 2) мир психических состояний (сознание, внутренний мир человека) [2, с. 357-365].

Как говорил С.Л. Франк - «Внутренний мир человека, взятый в целом, не меньшая реальность, чем явления материального мира. Мы наталкиваемся на него, как на камень или на стену». Так, например, «повседневные явления нашей жизни: упрямство или каприз человека, его враждебное отношение или антипатию к нам иногда гораздо труднее преодолеть, чем справиться с материальными препятствиями; и, с другой стороны, добросовестность, благожелательность, ровное, спокойное настроение окружающих нас людей есть часто большая опора нашей жизни, чем все материальные блага» [3, с. 14].

Становление понятия бытия в философии охватывает огромный период, начиная от античных философов и заканчивая представлениями философов нового времени. Согласно элейцам бытие – это неизменная и неделимая сущность; Парменид бытие называет как то, что можно обнаружить лишь в мысли и что от этого оно не становится субъективным. Софисты открыли, что подлинной мерой бытия может быть «».существование индивидуума, где индивидуум – это эмпирический «природный» человек. Платон же бытие представлял как идею [1, с. 10-40].

Познающему, живущему субъекту бытие не может быть дано во всем объеме, и лишь человеку оно дано в целостной форме. А инструментом, который представляет эту целостность, является язык.

В лингвистике в работах Э. Бенвениста, О. Есперсена, Ч. Кана, Ч. Филлмора, Е. Кларка и других западноевропейских лингвистов неоднократно делались попытки проанализировать идею бытия и способы ее языкового выражения. В зарубежной лингвистике эти попытки чаще всего были связаны с изучением бытийных глаголов и конструкций с соответствующей семантикой [4, с. 5-8].

Так, О. Есперсен сопоставляет предложения

«**Troy was**» - «Троя была» / «**Troy was a town**» - «Троя была городом»,

где в первом из которых «глагол является законченным», а во втором значение глагола не закончено и требует присутствия «предикатива» (именной части составного именного сказуемого) [5, с. 97]. Несмотря на различие в значении и употреблении этих лексем, О. Есперсен признает их разными значениями одного глагола to be, пришедшего к своему современному состоянию в результате длительного процесса ослабления его более конкретного значения.

Модели бытийных предложений описывают ситуации наличия, присутствия некоторого объекта (объектов) в некотором пространстве. Объект может быть единичным или множественным, и в этом случае к значению наличия может добавляться обобщенная количественная оценка наличествующих объектов, выражаемая специальными предикатами. Предложениям наличия противостоят антонимичные предложения, обозначающие отсутствие объекта, отрицающие его наличие. Но антонимичность всегда предполагает существенную общность признака, по которому антонимы противостоят друг другу. Поэтому все эти группы предложений – собственно наличия, наличия + количественной характеристики и отсутствия наличия объекта объединяются в общей «модели наличия» в широком понимании термина [6, с. 5-13].

Бытийность как семантическая категория раскрывается в составленной А.В. Бондарко и его командой работе «Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность.». Здесь *бытийность* – это семантическая категория, объединяющая различные варианты значений существования, бытия, наличия. Группировка разноуровневых средств того или иного языка, служащих для выражения вариантов данной семантической категории, представляет собой бытийность как функционально

семантическое поле. Семантическая категория и поле бытийности репрезентируются в бытийных высказываниях теми или иными вариантами бытийных ситуаций [7]. *Бытийная ситуация* — это выражаемая различными средствами высказывания типовая (выступающая в высказывании в том или ином варианте) содержательная структура, базирующаяся на семантической категории и поле бытийности и представляющая собой тот аспект общей ситуации, выражаемой высказыванием, который связан с семантикой бытия, существования, наличия [8]. Ядро поля бытийности можно определить как предикативно-обстоятельственное [9]. Так как соотношение предикативной основы высказывания и его обстоятельственных компонентов, доминирующее в ФСП локативности и обусловленности, так или иначе, проявляется и в ФСП бытийности (**например: На свете существует справедливость**) [10].

В ФСП бытийности доминирует предикативный элемент. Рассмотрим бытийные ситуации с предикатом существования в тюркских языках, на материале уйгурского памятника буддийского содержания сутры «Altın Yarıq». Анализ памятника проводился на основе транскрипции и перевода на русский язык, сделанный С.Е. Маловым [11, с. 139 – 199].

Из легенды о правителе Кю-мау:

(4, 5)¹«Ol bæg balyq bägi bolup, ärtä käd ölütcü **bolty**.» - «Этот начальник города

раньше *был жестоким убийца*, но, вот, потом (он изменился).», бытийная предиката *bol-* (в форме прошедшего времени *-ty*) указывает нам на изменение основного свойства субъекта высказывания.

(7, 1) «Bu muntay ämgäk tolyaq qa tägmiş öddä bu muñumuz ny ämgäk imiz ni aça jada oqyту sözlägäli uyuluq *küçümüz közünümüz joq* ärti.» - «В то время как мы подвергаемся таким

мучениям и бедствиям, у нас *нет* даже *никакой силы и возможности*, чтобы высказать, объясняя и толкуя, эти мучения и лишения.», предиката *joq* передает состояние говорящего.

(10, 1) «Ötrü m(ä)n jana olar qa jalbaru, yñça tip titim: „ai ädgü lärim, m(ä)n öz üm tanlasar m(ä)n, bu ämgäkim tin idi *ozyum qutrulyum joq* turur.» - «О мои дорогие! Если я надоедаю вам своими вопросами, то ведь у меня совсем *нет* *избавления и спасения* от этих моих страданий.», в данном случае бытийная предиката обозначает состояние субъекта.

(607, 6) «Анта өтру т(ä)ңрі Т(ä)ңрісі буркан ынча tin j(a)рлыкады: Анант а! өңрә äptmiş өтдә (өдтә) бу чамбуді bin улуста М(а)бараді атл(ы)б ilik кан *бар* ärti.» – «Затем бог богов Будда (бурхан) так соизволил сказать: «О Ананда! В прежде прошедшие времена в (одной) стране этой вселенной *жил-был правитель-хан по имени Магаради*.», бытийная ситуация, где *бар* указывает на существование субъекта в пространстве.

(608, 1) «Ынча *болмазун* к(а)лты бу арык сәмәк ічиптә *катыр жавлак кәжік ләр бар* болуп *biz jokatкулук ämgängүлүк болмалым*, tin.» - «Похоже, что на этих берегах ручья и в лугах *есть хищные, дикие звери*, да *не будем* мы испытывать от них мучений и *не будем* бояться, что мы от них погибнем!», данное предложение включает цепочку бытийных ситуаций, где первая часть указывает на наличие субъектов в определенной локации (*бар*), от которых зависит внутреннее состояние говорящего, обозначенное предикатами *болмазун* (-ма-зун – отрицательная форма повелительного наклонения) и *болмалым* (-ма-лы-м – отрицательная форма долженствования + личное окончание мн.ч. 1 л.).

(609, 1) «Бу әрсәр, арзі лар турбулук орун ол мәнің іді *коркынчым ајынчым jok*, өңі адырылмаклыб *пошушум j(ä)mä jok*, ынчыл äтөзүм та толу өгрүнч сәвінч тоқар!» - «Что касается до этого (места), то оно есть местопребывание отшельников, и у меня особенного *страха и опасения нет*. И *нет* также у меня *печали по разным разлукам с моими близкими*, и так что даже появляется в моем теле большая радость и веселие.», в данном случае происходит передача состояния адресата при помощи бытийной формы.

(610, 1) «Мунтада адын такы өңі аш *ичкү jok* кім бу алаңурмыш ач барсыб, тіргүргүлүт, — тіп тіді.» - «Кроме этого, других еще пищи и питья у них (совершенно) *нет*, чтобы можно было оживить эту дряхлеющую (обессилевшую) голодную тигрицу», — сказал он.», предиката бытийности описывает обстоятельство.

(617, 1) «көк калык тын т(ä)ңрі-тәм јыд јінар куа чәчәк ләр тушті јабды. Ол арык сәмәк ічі куа чәчәк ұзә толу *болты...*» - «С голубого неба ниспадали и дождили божественные запахи и благоухания и цветы лотоса. И те ручьи и луга *стали* полны лotosовыми цветами.», данный пример по смыслу можно обозначить как бытийно-локативную ситуацию.

(620, 1) «әмікі төбүрә *бычылул болур*, азыб тісләрі абызынта конрулуп *тұсәр болур*.» - «Груды ее *были* совсем вырезаны. Коренные зубы ее во рту ее *ступились и выпали*.», в данном случае предиката описывает нам ситуацию с использованием *бол-* в форме настоящего-будущего времени -ур.

(622, 1) «м(ä)н әмты, камабун ұнұп әмрәк өкүкләрімін тіләјін, *барын јокын* біләјін.» - «Я узнаю все обстоятельства этого дела (т. е. *живы ли, нет ли*)», здесь дана

бытийная предиката описывающая неопределенность состояния в сочетании форм *бар-жок*.

Изложенные выше примеры показывают, что в уйгурском памятнике «Altın Yarıq», бытийные ситуации с предикатами существования содержат следующие варианты:

- о *бол- (bolty, болмазун, болмалым, болур)*;
- о *жок*;
- о *бар*;
- о *барын жокын*.

В результате проведенного исследования нами было рассмотрено понятие бытия в философском толковании, а также понятие бытийности как семантической категории, описанной в работе Теории функциональной грамматики. Кроме того, на основе анализа выявлены виды бытийных ситуаций с предикатами существования, присутствующие в памятнике буддийского содержания сутре «Altın Yarıq». К ним можно отнести:

- передача с помощью бытийной формы состояния говорящего (адресата); – изменение основных свойств субъекта высказывания с помощью бытийной предикаты;
- бытийно-локативные ситуации;
- передача с помощью бытийной формы существующего/не существующего обстоятельства.

Список использованных источников

1. Доброхотов А.Л. Категория бытия в классической западноевропейской философии. – М.: Издательство Московского университета, 1988. – 245 с.
2. Алексеев П.В., Панин А.В. Философия. – М., 2003. – 608 с.
3. Франк С.Л. Реальность и человек. Метафизика человеческого бытия. – Париж, 1956. – С. 14.
4. Андреева И.В. Понятие бытийности в зарубежной лингвистике./ Лингвистика и межкультурная коммуникация. Приволжский научный вестник. – № 8 (24). – Т. 2. – 2013. – С. 5-8.
5. Есперсен О. Философия грамматики. – М.: Изд-во иностр. лит., 1958. – 404 с. 6. Арутюнова Н.Д., Ширяев Е.Н. Русское предложение: Бытийный тип. – М., 1983. – С. 5–13.
7. Бондарко А.В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. – Л.: Наука, 1983. – 208 с.
8. Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность. – Санкт-Петербург: Наука, 1996. – 230 с.
9. Шаймердинова Н.Г. Темпоральная ситуация грамматической категории // Прагматические аспекты языка. – Алматы, 2000.
10. Воейкова М.Д. Бытийные ситуации // Теория функциональной грамматики: Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность. – СПб., 1996. 11. Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. – М.-Л., 1951. – С. 139 – 199.